

Петр Ершов

Стихотворения

Пётр Ершов

Стихотворения

«Public Domain»

Ершов П. П.

Стихотворения / П. П. Ершов — «Public Domain»,

«Стихотворения» - произведение русского поэта, прозаика и драматурга П. П. Ершова (1815 – 1869).*** Первый сборник избранных стихов автор подготовил в 1854 году, но при жизни поэта не было издано ни одного - «Конек-Горбунок» все затмил. Он переиздавался много раз, так что у читателей не было возможности узнать еще и стихи автора. Однако тематика стихотворений поэта разнообразна: «Сибирский казак», «Смерть Ермака», «Русский штык», «Ночь на Рождество Христово», «Молодой орел», «Русская песня», «Первая любовь», «Семейство роз», «Прощание с Петербургом» и другие. Перу Ершова принадлежат и такие произведения: «Суворов и станционный смотритель», «Кузнец Базим, или Изворотливость бедняка».

Содержание

СИБИРСКИЙ КАЗАК	5
1	5
2	11
СУЗГЕ	19
1	20
2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Петр Ершов

СТИХОТВОРЕНИЯ

СИБИРСКИЙ КАЗАК

Старинная быль¹

1

Рано утром, весной
На редут крепостной
Раз поднялся пушкарь поседель.
Брякнул сабли кольцом,
Дернул сивым усом
И раздул он фитиль догорелый.
Он у пушки стоит,
Он на крепость глядит
Сквозь прозрачные волны тумана...
Вот мелькнул белый плат
У высоких палат
Удальца-молодца атамана.
И с веселым лицом,
Осентя крестом,
Он над медною пушкой склонился.
Пламень брызнул струей,
Дым разлился волной —
И по крепости гул прокатился.
Вот к обедне звонят...
Казаки мигом в ряд —
И пошли в божью церковь молиться,
Да поклоном земным
Поклониться святым,
Да к честному кресту приложиться.
Но казак молодой
Не спешит за толпой,
Помолиться святым не радует;
Он стоит, молчалив,
И ни мертв и ни жив —
Кровь в груди то кипит, то хладеет.
Вот, одетый в стихарь²,

---

¹ Сибирский казак. Старинная быль (с. 29). Впервые: часть 1 – Библиотека для чтения, 1335, т. 8 (цензурное разрешение – 28 декабря 1834); часть 2 – Библиотека для чтения, 1835, т. 10. Часть 1 в начале XX века бытовала среди сибирских казаков «как любимейшая песня» неизвестного автора.

² Стихарь – священная одежда, надеваемая во время христианского Богослужения.

Заклепал³ пономарь⁴
На высокой звоннице к достойной⁵.
И казак задрожал —
Жгучей искрой запал
Червь укора в душе беспокойной.
Он в храм божий спешит,
Но боится вступить
И стоит одинок у порогу;
Он глядит на народ
И креста не кладет,
И не молится русскому Богу.
Освещен божий храм!
И святой фимиам⁶
Будто ризой народ одевает,
А казаки поют
Да поклоны кладут, —
Атаман с есаульством читает.
Служба кончилась. Вот —
Атаман наперед
И за ним молодцы есаулы⁷ —
Приложась к образам,
Казаки по домам
Разошлись, говоря про аулы.
А казак молодой
С беспокойной душой
В церковь Божию робко вступает;
К алтарю он идет,
Тихо старца зовет
И с слезами к ногам упадает.
«Мой отец, поспеши!
Тяжкий грех разреши!
Погибаю я, грешный душою».
— «Сколь бы грех ни велик, —
Говорит духовник, —
Не утай ничего предо мною».
И казак отвечал:
«Атаман приказал
Нам идти на кыргызов войною...
Мой отец, я женат!
И хоть нету ребят,
Да все жалко расстаться с женою.
Я на Бога роптал,
Я своих проклинал,

---

³ Заклепать — зазвонить.

⁴ Пономарь — церковнослужитель, помогающий при Богослужении.

⁵ «Достойно...» — начало одной из церковных молитв.

⁶ Фимиам (ладан) — благовоние.

⁷ Есаул — выборный чин в казачьем войске.

Я не шел с казаками молиться;
И, пришедши потом,
Не крестился крестом,
Не хотел к образам приложиться.
Мой отец, поспеши!
Тяжкий грех разреши!
Погибаю я, грешный душою».
– «Грех твой, чадо, велик! —
Говорит духовник. —
Омрачился ты тяжкой виною.
Но и бездну грехов
Бог очистить готов,
Прибеги лишь к нему с покаяньем.
Он – без меры любовь.
Уповай лишь, и вновь
Он оденет святым одеяньем.
Как Христов иерей⁸
Я, по власти своей,
От грехов всех тебя разрешаю, —
И под знаменем креста
Супротивных Христа
Поражай: я тебя посылаю.
Мужем будь. Не жалея
Крови грешной своей
И за братии ты жертвуй собою.
Знай, убитых вконец
Ждет нетленный венец.
Поезжай, сын мой, мир над тобою!»
И казак молодой
С облегченной душой
Божий храм, помолясь, оставляет.
Он приходит к жене,
Говорит о войне
И печальну жену утешает:
«Не тоскуй, не крушись!
Лучше Богу молись,
Чтоб от смерти меня он избавил
И чтоб нас, казаков,
Сохранил от оков
И великой победой прославил.
За степями, говорят,
Камней груды лежат
И песок при реках золотистый;
Бисеров – не бери,
Жемчугов – не вари⁹.
А у жен дорогие моницы».

---

⁸ Иерей (греч.) – священник.

⁹ Варить – оберегать, хранить.

«Что мне в платьях цветных,
Что в камнях дорогих,
Когда нет тебя, мой ненаглядный?
От разлучного дня
Не утешат меня
Ни серебро, ни жемчуг перекаточный.
Кто-то мне говорит:
«Муж твой будет убит!»
Вот уж по три я слышу то ночи.
Видно, мне сиротать,
Век вдовой вековать,
Не видать твои светлые очи.
Не крутить черный ус,
Не лобзать алых уст,
Не прижать ко груди белоснежной.
Твой сынок подрастет,
Тятю кликать начнет,
Что мне делать тогда, безнадежной?»
И с сердечной тоской
Тут казак молодой
Молодую жену обнимает.
«Не тоскуй, – говорит, —
Я не буду убит:
Ведь не всякий в войне погибает.
И недель через пять
Ворочуся опять
Да с добычей к тебе боевою;
Я тебя обниму,
Крепко к сердцу прижму
И у сердца тебя успокою.
Коль паду на войне,
Ты не плачь обо мне,
Не суши свои ясные очи;
Ожидай ты меня
Не средь белого дня,
Но во тьме ожидай меня ночи.
У ворот я сойду,
Тихо в хату войду
И махну посинелой рукою;
Ты не бойся меня,
Но садись на коня,
Мы поедем, друг милый, с тобою».
Тут казак замолчал,
Три свечи засвечал,
И собираться он начал на битву.
Он осек три кремня,
Изготовил коня
И сточил боевой меч как бритву.
На другой день зарей

Грянул гул вестовой —
Казаки лошадей выводили.
Гул второй разнесло —
Казаки на седло,
А за третьим – на площадь спешили.
Шумно строятся в ряд,
Громко сабли гремят,
Развилось казацкое знамя;
Кони борзые бьют,
Пыль копытами вьют,
И в очах их свирепое пламя.
Вот раздался сигнал,
Пономарь заклепал,
И церковны врата отворились.
«Кивера¹⁰ все долой!» —
Закричал удалой
Есаул. Кивера опустились.
Тихо старцы пошли,
Образа понесли
И святую хоругвь¹¹ в ополчение;
И за ними идет
Весь церковный причет¹²,
Позади иерей в облачение.
«Призовем Бога сил!» —
Иерей возгласил,
И всемирную славу¹³ запели.
Он по ряду ходил,
Ополчение кропил
Освященной водою в купели.
«Род избранный, восстань!
Ополчайся на брань,
Покоряй супротивных под ногу!
Укрепит Бог Богов
Вас на ваших врагов;
Я вручаю вас господу Богу».
И, окончив обряд,
Возвратился назад, —
И слезами глаза омрачились.
Тихо старцы пошли,
Образа унесли,
И церковны врата затворились.
Весь как пламя огня,
Атаман – на коня
И тяжелыми брякнул ножнами;

---

¹⁰ Кивер – военный головной убор.

¹¹ Хоругвь – священное знамя, которое выносятся во время торжественных церковных процессий вместе с крестом.

¹² Причт – церковнослужители одного прихода.

¹³ «Всемирную славу...» – начало одного из церковных песнопений.

Вдруг, блестящ, как стекло,
Длинный меч наголо —
И летит молодцом пред отрядом!
Вот ряды обскакал:
«С Богом, дети!» – вскричал.
Казаки на седле поднялися,
Засверкали мечи —
И орлом усачи,
Как на пир, на войну понеслися.

2

Дни со светом идут,
Ночи с мраком бегут,
Утро вечер прохладный сменяет;
В полдень солнце горит,
В полночь месяц глядит;
Часовой по редуту гуляет.
И в полуденный зной
Золотистой волной
Озеренные зыблются нивы;
И в раздолье степей
Стадо диких коней
Вьет по ветру косматые гривы.
И в небесной выси,
Будто рати Руси,
Громоносные движутся тучи;
И, подпора небес,
Не шелохнется лес,
Не играет в степи вихрь летучий.
И молчанье кругом.
Утомленным крылом
Царь пернатых на землю слетает;
И с стесненной душой
Пешеход молодой,
Ослабевши, шаги ускоряет.
Вот громады сошлись.
Молнии в тучах зажглись —
И ударил перун¹⁴ быстротечный.
Опаленный кругом,
С раздробленным челом,
Рухнул кедр, великан вековечный.
И, дохнувши огнем,
Прошумели дождем
И песчаную степь наводнили.
Светлый солнечный луч
Проглянул из-за туч —
И две радуги свод расцветили.
Океан рассыпной,
Будто конь молодой,
Сребровласую шею вздымает;
Гриву в космы плетет,
Чутким ухом прядет,
Длинный хвост в три трубы завивает.
В надвоздушный предел

---

¹⁴ Перун – языческий Бог. Здесь: молния.

Царь-орел полетел
Осушиться в потоке огнистом,
И – предвестник весны —
С голубой вышины
Засверкал перерывчатым свистом.
На кургане крутом
Под истлевшим крестом
Молодая казачка сидела,
И, склоняся главой
На тополь луговой,
Она грустно на степи глядела.
Из развитой косы
В беспорядке власы
На лилейную грудь упали,
И на бледных щеках,
Как роса на цветах,
Как жемчужины, слезы блистали.
Тихо все. Лишь у ног
Говорил ручеек
И прозрачной волной к ней ласкался;
И с журчаньем ручья
Тихий голос ея,
Будто ласточки щебет, сливался.

Песня казачки

Полетай, мой голубочек,
Полетай, мой сизокрылый,
Через степи, через горы,
Через темные дубровы!
Отыщи, мой голубочек,
Отыщи, мой сизокрылый,
Мою душу, мое сердце,
Моего милова друга!
Опустись, мой голубочек,
Опустись, мой сизокрылый,
Легким перышком ко другу,
На его правую руку!
Проворкуй, мой голубочек,
Проворкуй, мой сизокрылый,
Моему милому другу
О моей тоске-кручине!
Ты лети, мой голубочек,
От восхода до заката,
Отдыхай, мой сизокрылый,
Ты во время темной ночи!
Если на небо порою

Набежит налётна тучка,
Ты сокройся, голубочек,
Под кусток частой, под ветку!
Если коршун – хищна птица —
Над тобой распустит когти,
Ты запрячься, сизокрылый,
Под навес крутой, под кровлю!
Ты скажи мне, голубочек,
Что увидел мое сердце!
Ты поведай, сизокрылый,
Что здоров мой ненаглядный!
Я за весточку любую
Накормлю тебя пшеничкой,
Я за радостну такую
Напою сытой¹⁵ медвяной.
Я прижму к ретиву сердцу,
Сладко, сладко поцелую,
Обвяжу твою головку
Дорогою алой лентой.
Вдруг песок полетел,
Ясный день потемнел
И гроза поднялась от восхода...
Гром – от громких речей!
Молнья – с светлых мечей!
То казаки летят из похода.
Пламень грозный в очах,
Клик победный в устах,
За спиной повешаны выюки.
На коне боевом
Впереди молодцом
Выезжает удача Безрукий.
И широкой копной
Вьет песок конь степной,
Рвет узду, и храпит, и бодрится.
Есаулы за ним
Пред отрядом своим,
Грозны их загорелые лица.
«Гей! мои трубачи!
Опустите мечи,
Заиграйте в трубы боевые!
С хлебом, с солью скорей
Пусть встречают гостей
И отворят врата крепостные!»
И, не медля, зараз
Атаманский приказ
Трубачи-усачи выполняют:
Боевой меч – в ножны,

---

¹⁵ Сыта – медовый взвар; напиток, замешанный на меду.

И трубу со спины,
И походную песню играют.
«Гей, скорей на редут!
Наши, наши идут!» —
Закричал часовой. И в минуту —
«Наши, наши идут!» —
Крича, люди бегут
Отовсюду толпами к редуту.
Грянул в пушку пушкарь,
Зазвонил пономарь,
И широки врата закрипели.
Из отверстых ворот
Хлынул с шумом народ
И казаки орлом налетели.
«К церкви, храбрый отряд! —
Есаулы кричат, —
Исполняйте отцовский обычай,
И к иконе святой
Вы усердной рукой
Приносите дары из добычи».
Казаки с коней в ряд,
В божью церковь спешат, —
Им навстречу причет со крестами:
Под хоругвью святой
В ризах пастырь седой
Их встречает святыми словами.
Пастырь. С нами Бог! С нами Бог!
Он возвысил наш рог¹⁶!
Укрепил он во брани десницы¹⁷!
Клир¹⁸. С нами Бог! С нами Бог!
Супостат изнемог,
Мы крепки: покоряйтесь, языцы!
Пастырь. Мышцей сильной своей
Укротил он зверей,
Он низвергнул коней, колесницы!
Клир. С нами Бог! С нами Бог!
Супостат изнемог,
Мы крепки: покоряйтесь, языцы!
Пастырь. Он слышал наш глас,
Он стал крепко за нас,
Он явился во блеске денницы¹⁹!
Клир. С нами Бог! С нами Бог!
Супостат изнемог,
Мы крепки: покоряйтесь, языцы!

---

¹⁶ Рог – сила, могущество.

¹⁷ Десница – правая рука.

¹⁸ Клир – духовенство.

¹⁹ Денница – заря.

Пастырь. Он щиты их сломил,
Ярый огонь воздымил,
И вихрь бурный пожрал их станицы!
Клир. С нами Бог! С нами Бог!
Супостат изнемог,
Мы крепки: покоряйтесь, языцы!
Старец кончил. За ним,
За начальством своим
Казачи в божью церковь вступили,
И с молитвой в устах
При святых образах
Они часть из добычи сложили.
И, под гром пушкарей,
Петь владыке царей
Благодарственный гимн за спасенных;
И, под медленный звон,
Похоронный канон²⁰
Возгласили за прах убиенных.
Служба кончена. Тут
Все на площадь бегут:
Их родные, друзья ожидают.
Сын к отцу, к брату брат
С полным сердцем летят
И с слезами на грудь упадают.
Что ж казачка? Она,
Вещей грусти полна,
Ищет друга милова очами:
Вся на площади рать,
Но его не видать,
Не видать казака меж рядами!
Не во храме ли он?
Божий храм затворен —
Вот ограду ключарь запирает!
Что ж он к ней не спешит?
Сердце рвется спросить —
Но вопрос на устах замирает.
Вдруг урядник²¹ седой
Подошел к молодой
И взглянул на нее со слезами;
Ей кольцо подает:
«Он окончил поход!» —
И поспешными скрылся шагами.
И, бледней полотна,
С тихим стоном она
Недвижима, безгласна упала.
Свет померкнул в очах,

---

²⁰ Канон (греч. правило или свод правил) — в данном случае часть Богослужения.

²¹ Урядник — низший офицерский чин в казачьих войсках.

Смерть на бледных устах,
Тихо полная грудь трепетала.
Вот с угрюмым челом
Ночь свинцовым крылом
Облекла и поля, и дубравы,
И с далеких небес
Сыплет искрами звезд,
И катит в облаках шар кровавый.
И на ложе крутом
Спит болезненным сном
Молодая казачка. Прохладой
Над ее головой
Веет ветер ночной
И дымитя струей над лампадой.
Кровь горит. Грудь в огне,
И в мучительном сне
Страшный призрак, как червь, сердце гложет.
Темнота. Тишина.
И зловещего сна
Ни один звук живой не тревожит.
Вдруг она поднялась!..
Чья-то тень пронеслась
Мимо окон и в мраке сокрылась.
Вот – храпенье коня!
Вот, кольцом не звеня,
Дверь тяжелая вдруг отворилась!
Он вошел. Страшный вид!
Весь он кровью покрыт,
Страшно впали померкшие очи;
Кости в кожу вдались,
И уста запеклись.
Мрачен взор: он мрачней темной ночи!
Он близ ложа стоит,
Он ей в очи глядит,
Он манит посинелой рукою.
То казак молодой!
Он пришел в тьме ночной
Свой исполнить обет пред женою.
И она узнает,
Тихо с ложа встает
И выходит за ним молчаливо.
У ворот черный конь
Бьет копытом огонь
И трясет серебристою гривой.
Вмиг казак – в стремяна.
Молодая жена
С ним, дрожа и бледнея, садится.
Закусив, удила,
Как свинец, как стрела,

Конь ретивый дорогою мчится.
Вот гора. На лету
Он сравнивал высоту
И несется широкой долиной!
Вот река. Чрез реку!
На могучем скаку
Он сплотил берега над пучиной.
Скачут день. Скачут два.
Ни жива ни мертва
И не смеет взглянуть на милова.
Куда путь их лежит,
Она хочет спросить,
Но боится. Казак – ни полслова.
Наконец в день шестой,
Как ковер золотой,
Развернулись степи пред ними.
И кругом пустота!
Лишь вдали три креста
Возвышались в безбрежной пустыне.
«Вот наш кров! Вот наш дом
Под лазурным шатром! —
Вдруг промолвил казак. – Посмотри же,
Как хорош он на взгляд!
Что за звезды горят!
Что за блеск! То вдали, что же ближе?
Нас тут сто казаков,
Все лихих молодцов.
Мы привольно живем, не стареем.
Ни печаль, ни болезнь
Нам неведомы здесь,
И житейских забот не имеем.
Мы и утром, и днем
Спим в земле крепким сном
До явления вечерней зарницы;
Но зато при звездах
Мы гарцуем в степях
До восхода румяной денницы».
Тут казак замолчал.
Конь заржал, запрядал...
И казачка глядит в изумленье.
Степь! Средь белого дня
Ни его, ни коня;
Только что-то гудит в отдаленье.
И в степи! И одна!
Будто пытка, страшна
Одинокая смерть! Озирая
На холме насыпном
Степь горящу кругом,
Ищет тени казачка младая.

Но кругом степь пуста!
Ни травы, ни куста,
Ни оттенка в сини отдаленной.
Кругом небо горит,
Воздух душен – томит —
Что за зной на степи раскаленной!
И на жгучий песок,
Как увядший цветок,
Задыхаясь, она упадает.
И в томленье немом,
Сжавши руки крестом,
Безнадежно в степи погибает.

1834 (?)

СУЗГЕ

Сибирское предание²²

---

²² Сузге. Сибирское предание (с. 49). Впервые – Современник, 1838, т. 12, отд. 3. В основе – народное предание о второй жене сибирского хана Кучума Сузге. «Сузге» инсценировалась и несколько раз была показана на сцене: в 1889 году на так называемых «Сибирских вечерах», посвященных 300-летию похода Ермака, и в 1904 году – в Тобольске, в 1922 году – в деревне Верхне-Филатовой Тобольского уезда (на татарском языке), в 1940 году – на сцене Тобольского учительского института и Тобольского окружного драматического театра. В 1896 году тобольский композитор И. Корнилов написал оперу «Сузге».

1

Царь Кучум один владеет
Всей Сибирскою землею;
Обь, Иртыш, Tobол с Вагаем
Одному ему подвластны;
Он берет со многих дани;
Сам не платит никому.
Царь Кучум, сидя в Искере,
С утра раннего до ночи
Пишет царские приказы,
Рассылает повеленья
От Урала до Алтая, —
По сибирской всей земле.
Много силы у Кучума,
Много всякого Богатства:
Драгоценные каменья,
Из монистов ожерелья,
Черный соболь и лисица,
Золото и серебро.
Царь Кучум живет в палатах,
Ест с серебряного блюда,
Из ковша пьет золотого,
Спит под шелковым навесом,
На пуховых на постелях,
Ходит мягко по коврам.
У того царя Кучума
Две подруги молодые,
Две пригожие царицы,
Полногруды, белолицы:
У одной глаза, как небо,
У другой глаза, как ночь.
Царь Кучум обеих любит,
Царь Кучум обеих нежит,
С алой розы умывает,
В шелк, в монисты наряжает,
И дородство, и пригожество
Пуще глаза бережет.

2

Раз ополдень царь Сибири
От трудов своих от царских
Отдыхал на мягком ложе.
Вдруг к нему, к царю, подходит,
Легкой ножкой чуть ступая,
Черноглазая Сузге.
«Мой супруг и повелитель,
Царь Кучум! Твоя рабыня
Хочет нынче женской просьбой
Утрудить твое вниманье», —
Так к нему, царю, вещает
Черноглазая Сузге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.